

<https://doi.org/10.59849/2710-0820.2026.1.54>

Гюнель Тагизаде

*Диссертант отдела «Всемирного Истории»*

*Института Истории и Этнологии*

*имени А.Бакиханова НАНА*

*g.taghizade@landauschool.com*

## **АРХИТЕКТУРА УПОРЯДОЧИВАНИЯ: МОДЕРН, ТОТАЛИТАРИЗМ И ЛОГИКА ЭТНИЧЕСКИХ ДЕПОРТАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ СОВЕТСКИХ ПРАКТИК СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ)**

**Ключевые слова:** *Модерн, тоталитаризм, сталинизм, советская модернизация, этно-социальная инженерия, депортация народов*

В статье исследуется генезис и внутренняя логика массовых депортаций по этническому признаку в СССР (1930-1940-е гг.) через концептуальную рамку теорий Модерна (Modernity). В противовес традиционной историографии, склонной трактовать тоталитарное насилие как иррациональный рецидив варварства, автор доказывает, что принудительные миграции представляли собой радикальное воплощение модернистского проекта. Нами сделана попытка продемонстрировать, как утопическое стремление к тотальной упорядоченности и гомогенности социального пространства неизбежно трансформирует целые этносы в безликий материал для административной инженерии.

Временной отрезок, охватывающий с 20-х по 50-е годы XX века, отличается судьбоносными событиями в жизни народов, населяющих бывший Советский Союз. На протяжении трех десятилетий происходили кардинальные сдвиги, не имевшие аналогов по масштабам и формам. Эти процессы не только трансформировали хозяйственный уклад и жизненные приоритеты, но и преобразовали мировоззренческие, ментальные и поведенческие основы целых поколений. Как и любые подобного рода архитектурные преобразования, советские трансформации сопровождались драматическими, а порою и трагическими переменами в судьбах миллионов людей и целых народов.

Советская модернизация, перестраивая на новых, социалистических началах, жиз-

ненное бытие социумов, находящихся на совершенно разных ступенях социально-культурного развития, в темпоральном плане отличалась форсированностью, а в структурном плане – всеохватностью (тотальностью). В своих рассуждениях мы исходим из концепции множественности модернов, которая главным образом сформулирована в работах таких выдающихся социологов, как Ш. Эйзенштадт и Й. Арнасон (Eisenstadt, 2001; Арнасон, 2013). Данный подход акцентирует внимание на социокультурной специфике модернизируемых обществ. Не углубляясь в детали дискуссии, отметим лишь, что модели и формы модерности многообразны и не могут быть редуцированы исключительно к западному, во многом уникальному, опыту. В этом контексте советский строй можно интерпретировать как альтернативную форму модерности. Можно согласиться с известным польско-британским социологом З. Бауманом, что «современный коммунизм был наиболее восприимчивым и верным последователем эпохи Разума и Просвещения и, пожалуй, наиболее интеллектуально последовательным среди своих наследников» (Bauman, 1991, p. 36).

Как и любое действие подобного характера, форсированная модернизация, вне сомнения, являлась авторитарным актом, поскольку была нацелена на слом предыдущего жизнеустройства, и как следствие, на коренную перестройку социальных отношений

и самого типа человека, во многом вопреки воле самих социальных групп. По существу, цели форсированной модернизации обусловили необходимость появления жесткой, упорядочивающей и в силу этого подавляющей мегаструктуры. Таким образом, мы наблюдаем так называемую советскую разновидность тоталитаризма, получившую название «сталинизм», становление которой пришлось на 1930-е годы.

Уместно отметить, что проблема соотношения модерности и тоталитаризма является одной из наиболее сложных и концептуально насыщенных в социально-политической мысли XX-XXI вв. Следует сделать оговорку и отметить, что традиционная историография долгое время рассматривала тоталитарные режимы XX века (нацизм и сталинизм) как «сбой» в развитии западной цивилизации, как варварское отклонение от рационального, гуманистического пути современного общества, как иррациональный рецидив домодерного варварства. Однако начиная с середины XX века критическая социальная теория (в частности, Франкфуртская школа) предложила радикально иной взгляд: тоталитаризм есть не антипод, а логическое, хотя и экстремальное, продолжение самого проекта Просвещения («тень» Просвещения), неизбежный побочный продукт стремления Модерна к полному упорядочиванию реальности. Выдающиеся представители Франкфуртской школы М. Хоркхаймер и Т. В. Адорно в своей замечательной работе показали, что разум, освободившись от мифа, сам превратился в тотальный подавляющий миф и инструмент абсолютного господства. Таким образом, семена тоталитарного насилия изначально заложены в самой логике Просвещения (Модерна) (Хоркхаймер & Адорно, 1997, с. 16-20). Кстати, указанными авторами проводятся довольно содержательные параллели между мифом и рационализмом Модерна; последний, как и миф, хочет упорядочить Хаос, однако, делает это через науку, бюрократию, технику. В то время как инструментарием мифа выступают ритуалы.

Мы разделяем подход, согласно которому Модерн и тоталитаризм – понятия

внутренне взаимосвязанные. Согласно резюмирующему выводу вышеуказанных авторов, тоталитарные практики (будь то создание системы лагерей, тотальные депортации народов или искусственное конструирование новых наций) опираются на ту же парадигму порядка, рациональности и социальной инженерии, которую породило Просвещение. Насилие здесь выступает не как отказ от цивилизации, а как ее самый радикальный, административно-упорядоченный инструмент. Можно даже утверждать, что тоталитарные режимы являются не аномалией по отношению к модерности, а, как бы парадоксально это ни звучало, ее имманентным продуктом, крайней формой её логики, результатом радикализации рационалистического и утопического компонентов проекта Модерна.

Тоталитаризм довел до крайности современную установку на конструирование социума по своему усмотрению, предполагая, что его (общество) можно и нужно перестраивать по рациональному плану, невзирая на человеческие издержки. В своей замечательной книге «Актуальность холокоста» (в оригинальной англоязычной версии – «Современность и Холокост») З. Бауман, продолжая концептуальную традицию М. Хоркхаймера и Т. В. Адорно, убедительно демонстрирует, что Холокост, равно как и Гулаг и Хиросима, являлся не варварским отклонением, а продуктом рационально-бюрократической логики современного мира (Бауман, 2010). При этом, как показывает Ю. Хабермас, реконструируя пессимистическую диагностику эпохи в трудах Франкфуртской школы, в условиях развитого Модерна фиксируется тенденция к фатальному расщеплению разума. В этой парадигме ценностная рациональность (поиск ответа на вопрос о моральных границах и высших смыслах действия) постепенно маргинализируется, тогда как инструментальная рациональность (поиск наиболее эффективных, быстрых и экономичных средств для достижения любой поставленной цели) становится доминирующей (Хабермас, 2003, с. 119–122). Тоталитаризм и его репрессивные практики (включая депортации) возникают

именно там, где инструментальная рациональность окончательно подавляет ценностную. Вопрос моральной допустимости («Имеем ли мы право лишать родины миллионы людей?») вытесняется сугубо техническим вопросом: («Как организовать логистику перемещения максимального количества единиц с минимальными затратами?»). Депортация становится сложной инженерно-логистической задачей, лишенной этического измерения.

Фундаментальной чертой государства эпохи Модерна (и его радикальной формы - «высокого модернизма») является стремление сделать контролируемое пространство и общество абсолютно «читаемыми» и транспарентными. Как убедительно показал антрополог Джеймс Скотт, государство Модерна не терпит органической сложности, запутанности и автономии традиционных сообществ. Оно стремится редуцировать эту сложность до уровня стандартизированных административных матриц, переписей, карт и списков (Скотт, 2005, с. 17–26). В этой парадигме массовые депортации народов выступают не просто актом возмездия, но колоссальным проектом по «исправлению» социальной и этнической топографии, приведению реальности в соответствие с чертежом.

Советский Модерн (модерность) и сталинизм в такой трактовке также предстают однопорядковыми категориями. С этой точки зрения изучение тех или иных аспектов и проявлений сталинизма, включая депортации народов, позволяет лучше постичь феномен Советского Модерна с его позитивными и негативными сторонами. Именно в ходе коллективизации, индустриализации и т.н. большого террора формируются как собственно сущностные характеристики, так и структурные особенности советской тоталитарной системы. В военные и первые послевоенные же годы сталинизм в условиях сверхцентрализованного политико-административного устройства и военно-мобилизационной экономики приобретает окончательные черты.

Феномен насильственных депортаций народов в СССР в 1930-1950-е гг. является

одним из наиболее масштабных и системных проявлений государственной политики принудительной трансформации общества. Несмотря на значительное количество исследований, данная проблематика всё ещё требует концептуального переосмысления в рамках более широкой теоретической перспективы, выходящей за пределы традиционных политико-исторических интерпретаций.

В первую очередь хотелось бы отметить, что в 1930-е годы страна стремительно входит в состояние, которое в историографии принято обозначать термином «сталинизм». Данная модификация политико-государственной системы СССР зачастую анализируется чересчур упрощенно и схематично. Нередко исследователи делают упор исключительно на феноменах политико-правового или социально-экономического характера, механически подгоняя их под концепт тоталитаризма. Подобный подход неизбежно ведет к редукционизму – сведению сложного комплекса сущностных характеристик эпохи к набору стереотипных проявлений.

На наш взгляд, культ личности, абсолютный контроль государства над всеми сторонами общественной и частной жизни, чрезвычайная централизация структур и ресурсов ради достижения поставленных целей, создание мощного карательного аппарата, посредством которого проводились беспрецедентные репрессии, будучи весьма важными признаками, при отрывочном рассмотрении не до конца раскрывают, на наш взгляд, всю полноту специфики данного явления. На наш взгляд, подлинная специфика системы, условно именуемой «сталинизмом», заключается в стремлении осуществить беспрецедентную по масштабам и формам социальную инженерию в условиях форсированной модернизации всех сфер общественного бытия.

Сталинизм, по нашему мнению, развертывает свои сущностные целеполагания в двух взаимосвязанных направлениях. Это, во-первых, стремление через форсированную модернизацию решить задачу преодоления колоссального отставания страны,

продвигая ее, за счет перенапряжения средств и ресурсов, в ряды высокоразвитых индустриальных держав. А во-вторых, попытка сконструировать новый социальный тип человека, способный реализовать намеченные задачи по выстраиванию нового строя. Стремление осуществить эти целевые установки за максимально короткий срок, при этом с откровенной демонстрацией безразличия к гуманитарной составляющей, равно как и другие обстоятельства внутривнутриполитического и международного характера, привело к чудовищным репрессивным актам, охватившим многие миллионы людей. По этой причине высылки крестьянский масс в начале 1930-х, репрессии 1937-38-х годов, масштабные (немасштабные происходили и раньше) депортации народов в период войны, предстают, на наш взгляд, явлениями общего порядка, взаимодополняющими элементами единой системы.

Сталинское руководство преследовало амбициозную цель: создать общество, главным субъектом которого стал бы принципиально по-новому сконструированный человек с заданным набором личностно-социальных характеристик. Этот новый антропологический тип – «*homo sovieticus*» – должен был радикально дистанцироваться от дореволюционных (традиционных) социальных архетипов по своим ментально-психологическим, культурным, мировоззренческим и поведенческим паттернам. Иными словами, на государственном уровне ставилась задача воспитания человека с абсолютно иными жизненными ценностями, мотивацией и приоритетами. Задача трансформации человеческого материала была сопряжена в стратегическую сверхзадачу, а именно – тотальной модернизации всех сфер жизнедеятельности страны. Любое масштабное преобразование такого рода, в особенности форсированное, требующее совершить колоссальный исторический скачок в кратчайшие сроки, неизбежно приобретает авторитарный и насильственный характер. Оно предполагает радикальный слом традиционных социальных институтов, структур, хозяйственных механизмов и укладов. Это, в свою очередь, закономерно провоцирует

масштабное сопротивление целых социальных слоев и категорий населения, подавление которого становится важнейшей функцией государственного аппарата.

В рамках вышеуказанной парадигмы наряду с конструированием новой личности сталинское руководство стремилось создать гомогенную, унифицированную советскую общность. В этом контексте очевидна концептуальная преемственность между раскулачиванием и депортациями репрессированных народов: в обоих случаях происходило безжалостное отсечение социальных слоев (классовый признак) или целых этносов (национальный признак), признанных структурно несовместимыми с целеполаганием сталинской модернизации. Разразившаяся вскоре война лишь ускорила и до предела радикализировала эти процессы. В условиях экстремальной военной мобилизации бинарная оппозиция «свой – чужой (враг)» максимально упростилась, легитимизировав применение превентивного коллективного наказания. В целом с 1920-х до конца 1940-х годов власти Советского Союза использовали принудительную миграцию/депортацию в качестве репрессивной меры для контроля и запугивания населения многонационального советского государства.

Все вышесказанное существенным образом отразилось и в национальной политике советского государства. Во-первых, произошел идеологический сдвиг от революционного интернационализма к жесткому государственному этатизму и русоцентризму (концепт русского народа как «старшего брата») (см. об этом: Слезкин, 2001). Во-вторых, в условиях нарастающей военной угрозы сталинское руководство приступило к секьюритизации этничности: национальные меньшинства, обладавшие трансграничными связями или сложным опытом интеграции (как на Северном Кавказе), стали рассматриваться сквозь призму государственной безопасности как потенциальная «пятая колонна». Анализируя фундаментальные причины радикального поворота сталинского руководства от политики поощрения национальных идентичностей (коренизации) к практике массовых этнических

чисток, американский исследователь Т. Мартин выделяет три ключевых катализатора этого процесса. К ним историк относит феномен специфической советской ксенофобии, концептуализацию политико-географического статуса «пограничного района» (как зоны повышенной уязвимости), а также жесткую государственную регламентацию миграционных потоков. По мнению исследователя, государственная ксенофобия в СССР носила не этнический, а сугубо идеологический характер. Она базировалась на гипертрофированном, параноидальном страхе большевистской элиты перед враждебным «капиталистическим окружением» и угрозой проникновения из-за рубежа идеологической «заразы». Столкнувшись с угрозой войны и провалом быстрой ассимиляции национальных меньшинств в приграничных зонах, сталинское руководство перешло к тактике «превентивной социальной инженерии» (Мартин, 2011, с. 426–430).

Таким образом, демонтаж автономий и насильственные переселения стали крайним, репрессивным инструментом сталинской социальной инженерии и имперской унификации. Здесь уместно обратиться к идеям Зигмунта Баумана (Бауман, 2010, с. 142–145), который противопоставляет премодерное «государство-лесник» современному «государству-садовнику», конструирующему «идеальный сад». Если лесник лишь эксплуатирует дикий лес, собирая дань и не вмешиваясь в его естественный рост, то садовник обладает научно обоснованным, эстетическим и идеологическим проектом идеального сада. В этом саду все растения разделены на две категории: 1) полезные культуры: лояльные, идеологически правильные или «прогрессивные» группы, которые необходимо культивировать и защищать, и 2) сорняки: этносы или социальные классы, которые не вписываются в эстетику и логику идеального плана, объявленные «неблагонадежными» или «засоряющими» чистоту социального проекта.

В этой оптике уничтожение или выкорчевывание (депортация) «сорняков» перестает восприниматься исполнителями как преступление. Напротив, это становится по-

зитивным актом созидания, актом санитарии и социальной гигиены. Депортация в этом контексте – не слепая месть, а хладнокровный проект радикальной социальной инженерии, направленный на искусственное выведение «нового советского человека» путем разрушения старых идентичностей.

Сталинизм довел модерновую установку о необходимости проектного конструирования и улучшения общества до абсолюта. В этой политической парадигме традиционные кавказские социумы, сохранившие патриархально-традиционный уклад, устойчивую родоплеменную (тейповую) структуру и глубокую религиозность, стигматизировались властью как инородный, архаичный элемент, как препятствующие прогрессу сорняки, согласно матрице З. Баумана, на ландшафте строящегося социализма. Они были криминализированы не за конкретные деяния индивидов, а превентивно, на основании их этнической принадлежности. В официальном дискурсе они описывались как «пятая колонна», «пособники», что легитимировало их «выкорчевывание» как акт необходимой санитарии.

Депортации советских народов стали апофеозом бюрократического аппарата НКВД, продемонстрировав все черты модернистского управления. Можно обозначить его следующие особенности:

– Тотальная квантификация: Трагедия конвертировалась в бесстрастную статистику. Происходила дегуманизация языка. Бюрократический язык переводит живых, страдающих людей в статистические единицы. В секретных отчетах Л. Берии И. Сталину фигурировали не люди, а «контингенты», «вагоно-сутки», «нормативы погрузки» (Бугай, 1995, с. 112–118).

– Синхронизация и логистика: Карательные операции (подобно тотальному выселению чеченцев и ингушей в ходе операции «Чечевица» в феврале–марте 1944 г.) концептуализировались советским руководством не как стихийные акты возмездия, а как безупречные инженерно-военные задачи, опирающиеся на принципы строгой инструментальной рациональности. Осуществление столь грандиозного демографического

сдвига требовало беспрецедентной логистической синхронизации действий карательного аппарата (НКВД, НКГБ, СМЕРШ) и транспортной инфраструктуры (Наркомата путей сообщения) (Полян, 2001, с. 119–121).

– Моральная адиафоризация: Концептуальным ключом к пониманию того, как тысячи рядовых исполнителей оказались способны реализовать беспрецедентный по масштабам государственный террор, выступает феномен «моральной адиафоризации» (термин З. Баумана) – процесс искусственного выведения действий из-под юрисдикции этики. Глубокое функциональное разделение труда внутри разветвленного карательного аппарата НКВД-НКГБ приводило к фатальному размыванию личной ответственности. В этой системе ни один из участников бюрократической цепочки не осознавал себя творцом итоговой трагедии: один сотрудник штаба составлял списки на основе переписей населения, железнодорожный диспетчер обеспечивал график подачи эшелонов, боец конвойных войск стоял в оцеплении, а интендант рассчитывал минимальную путевую пайку. Масштабная депортация целых народов, лишённая эмоционального сопереживания, превращалась в рутинную, административно-логистическую функцию, где жертвы воспринимались исключительно как обезличенный «спецконтингент» (Бугай, 1992, с. 104–106).

Важнейшим аспектом депортаций является их биополитическое измерение. Вслед за Мишелем Фуко под биополитикой понимается технология власти, направленная на управление самой биологической жизнью населения, его пространственным размещением и воспроизводством (Фуко, 1996, с. 238–268). В советских реалиях инструментом такой власти стала система спецпоселений (комендатур). Жёсткая привязка к территории, запрет на передвижение дальше установленного радиуса (обычно 3–5 километров) и уголовная ответственность за побег (до 20 лет каторги по Указу 1948 года) служили инструментами абсолютной изоляции «дефектной» популяции от остального

социального организма. Режим спецпоселений является блестящей иллюстрацией главного тезиса Фуко о смене парадигмы власти: от «права на смерть» к формуле «заставлять жить и позволять умереть». Государство-инженер не применяло к депортированным народам Кавказа практики одномоментного физического уничтожения (расстрелы), свойственные суверенной власти. Вместо этого оно создавало такие структурные условия (климатический шок, отсутствие жилья, скудность пайков, каторжный труд, отсутствие медикаментов), при которых сверхсмертность становилась статистической неизбежностью.

Советский Модерн был тесно сплетен с прагматикой форсированной индустриализации. Депортации несли в себе мощный экономический заряд: переселённые народы автоматически становились ресурсом для экстенсивной колонизации неосвоенных окраин империи (Вишневский, 1998, с. 110–115). Жизнь спецпоселенца имела ценность ровно до тех пор, пока он мог выполнять производственную норму

Резюмируя вышесказанное, необходимо констатировать, что депортации народов XX века – это преступление сугубо модернистского типа, осуществление которого было бы немыслимо без картографии, статистики, развитой бюрократии, графиков движения поездов и, самое главное, без идеологии тотального социального конструирования. Связь между Модерном и практикой депортаций преподает нам важнейший исторический и философский урок. Она демонстрирует, что чисто технократический, сциентистский, «инженерный» подход к управлению социумом неизбежно превращает человека в расходный материал. Депортации народов остаются грозным историческим предостережением о том, во что превращается власть, когда она лишается этического измерения и начинает смотреть на географическую карту исключительно как на доску для социальной инженерии.

## ЛИТЕРАТУРА

- Арнасон, Й. (2013). Советская модель как форма глобализации. Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре, (4), 36–44.
- Бауман, З. (1991). *Modernity and ambivalence*. Cornell University Press.
- Бауман, З. (2010). Актуальность холокоста. Издательство «Европа».
- Бугай, Н. (сост.). (1992). Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. Дружба народов.
- Бугай, Н. Ф. (1995). Л. Берия – И. Сталину: Согласно Вашему указанию.... АИРО–XX.
- Вишневский, А. Г. (1998). Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. ОГИ.
- Мартин, Т. (2011). Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина».
- Полян, П. М. (2001). Не по своей воле: История и география принудительных миграций в СССР. О.Г.И.; Мемориал.
- Скотт, Дж. С. (2005). Благими намерениями государства: Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни (Э. Н. Гусинский & Ю. И. Турчанинова, пер.). Университетская книга.
- Слезкин, Ю. А. (2001). СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность. В М. Дэвид-Фокс (сост.), *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Антология* (с. 329–374). Издательство «Самарский университет».
- Фуко, М. (1996). Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Касталь.
- Хабермас, Ю. (2003). Философский дискурс о модерне. Весь Мир.
- Хоркхаймер, М., & Адорно, Т. (1997). *Диалектика Просвещения: Философские фрагменты*. Медиум; Ювента.
- Eisenstadt, S. N. (2001). The civilizational dimension of modernity: Modernity as a distinct civilization. *International Sociology*, 16(3), 320–340.

## Xülasə

### Günel Tağızadə

#### Nizamlaşdırma arxitekturası: modern, totalitarizm və etnik deportasiyaların məntiqi (sovet sosial mühəndislik təcrübələri təmsalında)

Məqalədə SSRİ-də 1930-1940-cı illərdə etnik əlamətə görə həyata keçirilən kütləvi deportasiyaların genezisi və daxili məntiqi Modern (Modernity) nəzəriyyələrinin konseptual çərçivəsindən araşdırılır. Totalitar zorakılığı barbarlığın irrasional residivi kimi şərh etməyə meyli olan ənənəvi tarixşünaslığın əksinə olaraq, müəllif məcburi miqrasiyaların modernist layihənin radikal təəcəssümünü təmsil etdiyini sübuta yetirir. Məqalədə sosial məkanın total nizamlılığına və homojenliyinə (həmcinsliyinə) yönəlmiş utopik canatmanın bütöv etnosları inzibati mühəndislik üçün simasız materiala necə qaçılmaz olaraq çevirdiyini sərgiləməyə cəhd göstərilmişdir. Sovet sosial mühəndislik təcrübələrinin ümumiləşdirici təhlili əsnasında belə bir nəticəyə gəlik ki, Modern və deportasiya təcrübəsi arasındakı əlaqə bizə çox mühüm tarixi və fəlsəfi ibrət dərsi verir. Bu əlaqə nümayiş etdirir ki, cəmiyyətin idarə olunmasına sırf texnokratik, ssiyentist və “mühəndis” yanaşması insanı qaçılmaz olaraq sərfiyyat materialına çevirir. Xalqların deportasiyası, hakimiyyətin etik ölçülmədən məhrum olduqda və coğrafi xəritəyə müstəsna olaraq sosial mühəndislik lövhəsi kimi baxmağa başladıldıqda nəyə çevriləcəyinə dair müdhiş tarixi xəbərdarlıq olaraq qalmaqdadır.

**Açar sözlər:** *Müasirlik, totalitarizm, Stalinizm, Sovet modernləşməsi, etnososial mühəndislik, xalqların deportasiyası*

## Summary

Gunel Tagizade

### **The Architecture of Ordering: Modernity, Totalitarianism, and the Logic of Ethnic Deportations (Based on Soviet Practices of Social Engineering)**

This article examines the genesis and internal logic of mass ethnic deportations in the USSR during the 1930s and 1940s through the conceptual framework of Modernity theories. In contrast to traditional historiography, which tends to interpret totalitarian violence as an irrational relapse into barbarism, the author argues that forced migrations represented a radical embodiment of the modernist project. An attempt is made to demonstrate how the utopian drive for total order and the homogeneity of social space inevitably transforms entire ethnic groups into faceless material for administrative engineering. A comprehensive analysis of Soviet social engineering practices leads to the conclusion that the connection between Modernity and the practice of deportations provides a crucial historical and philosophical lesson. It demonstrates that a purely technocratic, scientific, "engineering" approach to the management of society inevitably reduces human beings to expendable material. The deportations of peoples remain a grim historical warning of what power becomes when it is stripped of its ethical dimension and begins to view the geographic map exclusively as a board for social engineering.

**Keywords:** *Modernity, totalitarianism, Stalinism, Soviet modernization, ethnosocial engineering, deportation of peoples*